

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ИСТОРИКО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

В статье предложен анализ российского опыта взаимодействия государственного управления и местного самоуправления на основе историко-коммуникативного подхода. Автор обосновывает необходимость в рефлексивной парадигме государственной власти.

Уже давно замечено, что на крутых поворотах общественного развития в России всегда возрастал интерес к истории. И это не случайно: обращение к историческому прошлому – это способ ориентации современного общества в социокоммуникативном и историко-временном пространстве, определения своего места в нем¹. В настоящее время, когда в Российской Федерации ведется полномасштабная реформа местного самоуправления, вполне естественным являлось бы обращение исследователей, а самое главное, законодателей и непосредственных практиков (руководителей государственных и муниципальных органов власти и управления) к анализу отечественного опыта взаимоотношений государственного и местного управления.

Согласно немарксовской и другим парадигмам науки, любая власть, во-первых, должна быть идентична народному менталитету, запросам коллективного бессознательного; во-вторых, исходить из концепции единства объективной связи прошлого, настоящего и будущего. По этому поводу в конце XIX в. российский государственный деятель и исследователь В. П. Безобразов прозорливо писал: «Для того, чтобы выбрать точную модель управления, необходимо изучить прошлое самоуправления, его практику, и только из такого прошлого можно понять настоящее, чтобы верно идти к будущему, к переустройству местного самоуправления на основании практических нужд самой жизни» [2].

В данной статье актуализируется проблема анализа отечественного опыта взаимоотношений государственного управления и местного самоуправления в дореволюционной России с позиций социальной информатологии. В качестве методологического ключа исследования используется историко-коммуникативный подход. Он включает в себя в данном случае синтез исторического и социокоммуникативного методов исследования коммуникативных основ взаимоотношения государственной власти и местного самоуправления в дореволюционной России. «Поиск истины в исторической судьбе России заставляет обратиться в глубину веков» [3]. Данный подход позволяет сфокусировать внимание на коммуникативно-информационной составляющей в сущности взаимоотношений этих двух уровней. При написании статьи учитывался широкий спектр источников по истории российского государства, а также использовались идеи и выводы исследователей в облас-

¹ Всероссийский опрос ВЦИОМ, проведенный в июне 2006 г., показал, что 57% респондентов считают, что основным предметом гордости за страну является именно наше прошлое, наша история [1].

ти отечественной истории, государственного и муниципального управления, государственно-правовых отношений, политологии, социологии и социальной информатиологии.

Проблема организации местного управления была актуальной для центральной власти на протяжении всей истории России – со времени складывания Древнерусского государства. Этому способствовали известные природно-географические и геополитические факторы: беспрецедентно обширная территория государства, огромные расстояния, полное отсутствие проезжих дорог и средств связи, низкая плотность населения, открытые границы, соседство степных народов и враждебных государств. Сложные пути объединения огромной территории, населенной многими народами с различными историческими традициями, конфессиональным и этническим менталитетом, скудные природные условия, тяжелейшая геополитическая ситуация на протяжении всего периода существования российской государственности во многом предопределили неотвратимость мобилизационного пути развития России, который могла обеспечить только сильная центральная власть и тоталитарный (деспотический) политический режим. Таким образом, географическое месторасположение России во многом повлияло на основные параметры генезиса коммуникации центральной и местной власти в нашем государстве.

Общественное местное самоуправление старше государственного, оно является фундаментом государственной власти. В основе местного самоуправления лежит первичная социальная коммуникация – необходимость организации совместного труда и обороны от внешнего врага, т.е. обеспечение условий выживания местного сообщества. Глубинная коммуникативная сущность самоуправления как формы народовластия заключена в том, что данный способ управления основан на самоорганизации, саморегулировании и самодеятельности и, следовательно, исключает необходимость применения специального аппарата принуждения. Как форма гражданской самодеятельности общественное самоуправление проявляется в социально-коммуникативной активности населения, его способности участвовать в управлении общественными делами и нести за них ответственность.

На местном уровне, где население проявляет прямую заинтересованность в решении насущных вопросов повседневной жизни, где закладываются основы понимания собственной ответственности за свою судьбу и формируется общественное сознание, эффективная социальная коммуникация может существовать только в форме диалога между органами управления и всем сообществом. Более того, именно эффективность социальной коммуникации на уровне местного самоуправления, ее значимость для самосохранения и саморазвития данной территории и ее населения являются важнейшим индикатором зрелости гражданского общества. Еще в середине XIX в. крупный теоретик местного самоуправления Б. Н. Чичерин писал: «Местное самоуправление служит школой самодеятельности народа и лучшим практическим приготовлением к представительному порядку» [4].

Государственный институт возник как наемный орган, призванный выполнять определенные управленческие функции для целого ряда самоуправляющихся общин. «Призванные» на основе договоров с союзами местных племен первые варяжские князья признавались носителями верховной власти настолько, насколько они обороняли землю извне и поддерживали в ней существовавший порядок. В их компетенцию не входили полномочия по созда-

нию каких-либо коммуникативных основ новых общественных отношений, т.к. данные полномочия еще не были закреплены ни в действовавшем праве, ни, что было гораздо важнее, в общественном сознании местных жителей [5]. То есть на начальном этапе существования Древнерусского государства доминантным субъектом в коммуникативной системе «государственная власть – местное самоуправление» выступало именно самоуправление как первооснова, первоисточник государственной власти.

Оптимальное соотношение двух компонентов в коммуникативной системе «государственная власть – местное самоуправление» представляет собой сложную практическую и теоретическую проблему, которая решается по-разному для тех или иных обществ на разных стадиях их исторического развития. Существуют три научные парадигмы и альтернативы социального управления, три стратегии социального влияния: механистическая модель, манипулятивная и диалоговая. Они «находят свои структурообразующие аналогии в исторически сложившихся парадигмах власти – тоталитарной, авторитарной и либерально-демократической» [6]. Отсюда вполне правомерно применить принцип «структурообразующей аналогии» к исторически сложившимся парадигмам (моделям) взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления.

Как показывает мировой опыт, есть два способа управления большими территориями. Первый – диалоговый, когда значительную роль играет местное самоуправление, выбранное населением и отчасти контролируемое из центра. Второй – тоталитарный, при котором сверху донизу административная власть, назначаемая из центра, подавляет всяческое самоуправление. Для понимания информационно-коммуникативной парадигмы важно подчеркнуть, что определение модели зависит прежде всего от состояния взаимодействия (коммуникации) объекта с субъектом и субъекта с субъектом. При этом заметим, что на практике одной «чистой» модели информационно-коммуникативного воздействия субъекта на объект и их взаимодействия не бывает. Следовательно, не бывает и «чистой» модели коммуникации государственной власти и местного самоуправления. Чаще действует смешанная модель, но доминирующей является одна.

Уже на первом этапе формирования российского государства, т.е. во времена Киевской Руси, зарождаются те основные коммуникативные начала взаимоотношения центральной и местной власти, которые, естественно видоизменяясь на каждом очередном этапе развития, проходят через всю его историю. Имеется в виду прежде всего переплетение двух волн: выборность–назначаемость и централизация–децентрализация. При этом сочетание выборности и назначаемости, как правило, было еще и сочетанием уровней государственного управления. Самый низший уровень управления (деревня или несколько деревень, город или пригород) подразумевал выборность местного самоуправления, а более высокие этажи управления чаще всего формировались на основе назначаемости [7].

Создание и укрепление местного самоуправления в России как института, отражающего прежде всего интересы местного населения, никогда не было самоцелью для центральной власти. Местная власть – как только вынуждали обстоятельства – учреждалась «сверху» и в интересах центра. Главной целью местного управления, согласно точке зрения государственной власти, было превращение территорий страны в наиболее легко управляемые части

единого целого и максимальное извлечение из них доходов. Соответственно, можно говорить о том, что история взаимоотношений двух элементов коммуникативной системы «государственная власть – местное самоуправление» в дореволюционной России – это история поисков оптимальной, эффективной манипулятивной или тоталитарной модели руководства страной, при которой провинция как можно лучше будет удовлетворять интересам центра. При таком концептуальном подходе ни центральная, ни местная власть не реализовывала, используя терминологию Н. Лумана, свою коммуникативную сущность, не являлась доверительным средством коммуникации, она полностью теряла свою связь с общественным мнением как средством обратной связи и эффективного управления.

В «Повести временных лет», основном письменном источнике по истории древнерусского государства, доносящем до нас терминологию, типичную для народной ментальности тех времен, Киевская Русь первоначально выглядит как конфедерация нескольких *земель*¹, объединенных под властью киевского князя, но имеющих свое собственное внутреннее управление. Первым киевским князьям постоянно приходилось сталкиваться с сепаратизмом различных племен, и они начали постепенно выстраивать информационно-коммуникативные отношения с ними по своим правилам, создавать механизм контроля над местной властью, в том числе и с помощью информационно-коммуникативной политики. Этот процесс растянулся на весь X в. и завершился при князе Владимире I [10], посадившем своих сыновей в крупнейшие города Руси. С принятием христианства начинается постепенное утверждение канонических христианских представлений о соотношении государственной власти и местного управления. Как отмечал В. О. Ключевский, «на киевского князя пришлое духовенство переносило византийское понятие о государе, поставленном от Бога не для внешней только защиты страны, но и для установления и поддержания внутреннего общественного порядка» [11]. Вот она, информационно-коммуникативная политика государственной власти в действии!

Однако даже в XII в. центральная власть имела довольно условное, ограниченное значение и не являлась доминирующим субъектом в процессе коммуникации с местным самоуправлением, т.к. князья были не полновластными государями. Они являлись лишь военно-полицейскими, судебными и сакральными правителями и вынуждены были в процессе управления вести диалог как с местной родоплеменной знатью, так и с представительным органом народного самоуправления. Освященный традицией коммуникативный механизм взаимодействия государственной и местной власти предусматривал следующие ритуалы. Вступление в престолонаследие каждого из киевских князей (в период политического мира) подтверждалось публичным одобрением как со стороны знати (боярского совета), так и городского населения (веча) [12]. Каждый князь должен был находить согласие с вечем. Обе стороны «целовали крест», обещая друг другу соблюдать условия соглашения. К сожалению, не сохранилось ни одного подобного договора-соглашения, но в древнерусских летописях есть краткие упоминания о некоторых из них. На-

¹ Термин «земля» употреблялся тогда не в географическом смысле, а в значении «народ», «государство». Этот термин был обычным для обозначения государства на протяжении всего киевского периода [8, 9].

селение всякий раз выражало недовольство, когда князь своими действиями приводил страну к бедственному положению либо тем или иным образом притеснял народ [13]. Таким образом, наряду с манипулятивной парадигмой коммуникации государственной власти и местного самоуправления, продолжала существовать, а в некоторых случаях даже превалировала диалоговая модель.

В дальнейшем процессе развития разрастающиеся функции государства требовали все большего вмешательства в дела местного самоуправления. Постепенно произошло отчуждение государства от общества [14], что привело к коммуникативному разрыву между ними. Государство встало над обществом, а самоуправление в течение долгого времени сохранялось лишь в форме крестьянских и городских общин. Но государство, активно продолжая движение в сторону тоталитарной модели коммуникации с обществом, начало заставлять служить своим интересам и общину – первичную социально-коммуникативную общность в русском государстве. На нее возлагались «тягловые» (финансово-налоговые), полицейско-фискальные, судебно-административные («холопские дела») и хозяйственные (содержание и ремонт дорог, мостов и т.п.) функции, которые как весьма обременительные для себя государственная власть стремилась сбросить «вниз»: разверстки, исполнение разнообразных повинностей, сборов. Так община постепенно все больше превращалась из органа местного самоуправления в низшее звено государственного управления, что подчеркивало процессы нарастания централизации и унитаризации государственной власти и еще больше усиливало механизм коммуникативного отчуждения власти и общества.

Уже первый русский свод законов, относящийся к XII в., устанавливает обязанности общины по отношению к государству. В «Русской правде» зафиксировано, что общинники связаны между собой своего рода круговой порукой и участвуют в уплате так называемой *дикой виры*¹. Княжеская власть возлагала на общину и некоторые судебно-розыскные функции, например поиск убийцы, вора [15]. С объединением Московской Руси (XIV–XV вв.) выборных представителей городского, пригородного и сельского населения (сотских, окладчиков и старост) центральная власть стала привлекать к осуществлению таких полномочий государственного управления, как раскладка казенных податей и повинностей, а также сбор кормов, шедших руководителям местной администрации.

Вплоть до XVI в. общественное самоуправление на уровне местных структур не было нормировано законом и фактически развивалось на основе народного обычая, сложившихся традиций [16] (роль фактора ментальности!). Поэтому говорить о местном самоуправлении в России как об особой форме управления определенной территорией, когда местное население избирает должностных лиц, можно, пожалуй, с момента земской реформы Ивана IV. Тогда местное самоуправление отделилось от государственного управления (по воле самой государственной власти) и приобрело четкие формы, строго регламентированные государством. При этом государственная власть, рассматривая всю территорию страны в качестве вотчины государя, присвоила себе роль главного, скорее даже единственного субъекта социальной коммуникации и считала себя вправе устанавливать или изменять в соответствии

¹ Дикая вира – штраф за убийство, который вносился коллективно в соответствии с мирской разверсткой.

с собственными интересами правила коммуникации с местной властью и местным сообществом. Главной идеей Указа Ивана IV «Приговор царской о кормлении и о службах» (1555–1556) было то, что за самоуправлением признавался статус *службы царской*, основанной на принципе: «безо лжи и без греха вправду», службы, делегированной на места верховной властью. Встроенные в вертикаль власти, земские и губные органы самоуправления были призваны обеспечить функционирование государственной власти и ее коммуникацию с местными сообществами на низовом уровне. Таким образом, самоуправление признавалось «государевой службой» и именно так рассматривалось как центральной властью, так и сословными группами русского общества.

На правах главного субъекта социальной коммуникации центральная власть присвоила себе и право устанавливать правила коммуникации органов местной власти и местного сообщества, причем исходя исключительно из своих собственных интересов. В результате земской реформы Ивана IV к компетенции земских старост был отнесен сбор прямых налогов. Сбор косвенных налогов и таможенных пошлин, налогов с питейного дела, с соляных и рыбных промыслов отдавался *на веру*. Для этого местные земские сообщества должны были выбирать из своей среды так называемых *верных* (присяжных) голов и целовальников, к полномочиям которых был отнесен сбор таких налогов. Правильность и четкость данной деятельности обеспечивалась не только принципиальностью и личной порядочностью «верных» людей и присягой, скрепляемой «целованием креста», но и имущественной ответственностью сборщиков и поручительством соответствующих земских сообществ. Например, если верный голова с целовальником не собирал заранее определенной или предполагаемой суммы казенного сбора, то они были обязаны за счет собственных средств (причем в двойном размере) покрыть недобор. Если названные должностные лица не обладали такой возможностью, то недостача покрывалась совместно с избравшим их земским обществом. Таким образом центральная власть сознательно делала ставку на коммуникативный разрыв между местной властью и местным сообществом. Так было легче «держать в узде» и народ, и выборных должностных лиц местного самоуправления.

Думается, что вполне обоснованно можно говорить о том, что по мере укрепления государства центральная власть постепенно переходит от диалоговой парадигмы к тоталитарной: становится сначала доминирующим, а затем и единственным субъектом социокоммуникативного пространства, определяющим правила своего взаимоотношения с местной властью и самоуправлением.

В то же время надо констатировать, что российские правители прекрасно осознавали, что без социального партнерства (в российской общественно-политической практике всегда поставленного в жесткие рамки), без диалога с народом (хотя и строго дозированного и управляемого властью) власть теряет свои главные функции руководства и управления. Ретроспективный социокоммуникативный анализ опыта развития государственного и местного управления в России периода Московского царства и империи выявляет следующую закономерность: интерес к органам местного самоуправления усиливался у центральной власти в переломные периоды истории страны (осложнение внешнеполитической и военной ситуации, необходимость восстановления народного хозяйства или ускоренного развития эконо-

мики и т. д.). Местное самоуправление вводилось волей центральной власти «как следствие осознанной правительством необходимости» [17]. И вводилось прежде всего тогда и там, когда и где требовалось для быстрого выхода из кризиса пробудить инициативу местной власти в сочетании с сильной государственной властью.

Подобный концептуальный подход еще во времена складывания Московского царства привел к рождению принципа государственно-общественного управления на местах. Правда, общественной российской система управления на местах может быть названа лишь условно, поскольку общественность была жестко сословной. Местные выборные органы должны были компенсировать слабость государства, не готового создать бюрократизированную, разветвленную сеть административной, налоговой и судебной власти на местах. Попытки привлечения населения к управлению на местах путем избрания должностных лиц местного управления делались и при Петре Великом. Впервые масштабно, как принцип государственного управления привлечение общественности к государственному управлению было заявлено в ходе губернской реформы Екатерины Великой. Принцип государственно-общественного управления получил свое дальнейшее развитие в Земской (1864) и Городской (1872) реформах XIX в. При этом, с одной стороны, введенные согласно реформе земские учреждения не были полностью общественными, поскольку предусматривался плотный контроль государства за их деятельностью, но, с другой стороны, и управление губерниями и уездами не было сугубо государственным, поскольку в состав соответствующих учреждений, ведавших сугубо хозяйственными вопросами местного значения (дороги, жизнеобеспечение города, школы, больницы, дома презрения, ветеринария, агрономия) были введены представители земства.

Таким образом, в российском государстве сформировался особый коммуникативный модуль взаимодействия центральной и местной власти: реформы местного самоуправления (реформы Ивана IV, Петра I, Екатерины II, Александра II) вырабатывались и проводились по инициативе центральной власти «сверху» без учета интересов народа; органы местного управления, по сути, являлись низшим звеном государственного аппарата; ответственности местной власти перед государством всегда уделялось внимания больше, чем ответственности перед населением; государство строго контролировало управление на местах; права и свободы местного самоуправления ущемлялись как «по закону», так и на практике. На протяжении длительного периода существования российской государственности постепенно менялся менталитет правителей, их ценностные ориентиры, представления об идеальной форме правления, но алгоритм взаимодействия центральной и местной власти при этом оставался неизменным.

В рамках данного алгоритма в России сложились специфический тип и каналы коммуникации центральной и местной власти. На огромных пространствах России при отсутствии средств коммуникации объективно не могло существовать единого информационного пространства. Следовательно, тотальный контроль центральной власти за деятельностью власти местной был абсолютно невозможен. В таких условиях формировался особый тип коммуникации двух уровней власти, который был неразрывно связан с искажением социальной, политической, управленческой информации при прохождении «сверху вниз» и «снизу вверх».

Любая управленческая информация, спускаемая «сверху вниз» в расчете на неукоснительное выполнение, воспринималась, «толковалась» и проводилась в жизнь конкретным местным чиновником или выборным должностным лицом, с одной стороны, в силу его ума, интеллекта, элементарной образованности, а с другой – по личному усмотрению и в своих собственных интересах [18]. В свою очередь, информация, которую предоставляли вышестоящим властным инстанциям местные управленцы, тоже зачастую искажалась, преподносилась в выгодном им свете, с расстановкой нужных акцентов, определенной недоговоренностью, а то и полным замалчиванием некоторых фактов.

При таком типе коммуникации двух уровней властей результат управления зависит не столько от того, как распорядилась центральная власть, сколько от того, как исполнено это распоряжение местным управленцем и что он доложил вышестоящим инстанциям. В результате верховная власть располагала искаженной социальной информацией, на основе которой ей приходилось принимать важнейшие управленческие решения. Таким образом, можно говорить о наличии информационно-коммуникативного разрыва между государственным и местным уровнями власти в дореволюционной России, что на практике приводило к слабой управляемости территориями.

В то же время многие исследователи отмечают «огромную инерционность и поразительную устойчивость сложившейся системы взаимоотношений центральной и местной власти» [19]. Корни данного феномена следует искать в глубинах народного менталитета: для российского управленца любого уровня всегда существовала необходимость так или иначе опираться на идею самодержавия, быть причастным таким образом к объединяющему началу управления. Принятое любым сельским старостой конкретное управленческое решение в той или иной степени опиралось на верховную, центральную власть и выступало от ее имени.

В заключении отметим, что ретроспективный социокоммуникативный анализ взаимоотношений государственного и местного управления в дореволюционной России подводит к следующему основному выводу. Центральная власть всегда рассматривала местное самоуправление как маложелательный, труднотерпимый придаток к государственному аппарату, который надо было «держать в узде» и использовать по мере надобности. И хотя в истории дореволюционной России были времена, когда развитие централизации (самодержавия) и самоуправления шло одновременно или параллельно, модель коммуникации государственной власти и местного самоуправления концептуально оставалась неизменной. Недаром М. Е. Салтыков-Щедрин, прекрасно знающий не понаслышке «внутреннее устройство нашего государственного управления», метко подметил, что центральная власть отвела земским органам самоуправления роль «пятого колеса в колеснице государственного механизма» [20].

Модель и механизмы коммуникации государственной власти и местного самоуправления любой страны являются неотъемлемым элементом культуры и детерминированы географическими, ментальными, историческими и другими факторами. Поэтому они очень стабильны, устойчивы к внутренним и внешним потрясениям и переходят из одной исторической эпохи в другую, их очень трудно изменить. Однако не вызывает сомнений и мысль о том, что модель социальной коммуникации этих двух уровней власти должна эволю-

ционизировать в соответствии с вызовами современности. Начало XXI в. должно ознаменоваться переходом государственной власти к диалоговой, дискурсной модели коммуникации с местным самоуправлением, соответствующей нашим историческим традициям и способной адекватно отвечать на вызовы современности. В противном случае информационно-коммуникативный тоталитаризм и манипулятивные технологии центральной власти обернутся тотальным кризисом доверия к ней, что в очередной раз может привести к «великим потрясениям» (П. Столыпин). Сегодня существует насущная объективная необходимость и потребность в рефлексивной парадигме государственной власти, осознании ею самой себя и своего места в российском обществе, в грамотной, осторожной коррекции менталитета власти и менталитета народа, налаживании между ними диалога по наиболее важным, общезначимым проблемам. Необходимо ликвидировать коммуникативные разрывы и между государственной властью и местным самоуправлением, организовать подлинный диалог между ними.

Список литературы

1. **Егоров, В. К.** Государственная власть и государственная служба в России: к новому качеству / В. К. Егоров // Государственная служба. – 2006. – № 5.
2. **Безобразов, В. П.** Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть / В. П. Безобразов. – СПб., 1882. – С. 26.
3. **Попов, В. Д.** Демос и кратия на крыльях птицы феникс / В. Д. Попов // Чиновник. – 2007. – № 2.
4. **Чичерин, Б. Н.** О народном представительстве / Б. Н. Чичерин. – М., 1899. – Т. 1. – С. 154.
5. **Еремян, В. В.** Муниципальная история России / В. В. Еремян. – М., 2003.
6. **Ковалев, Г. А.** Научные революции и стратегии социального управления / Г. А. Ковалев // Психология госслужбы: очерки по социальной психологии. – М., 1997.
7. **Усягин, А. В.** Политическое управление и его территориальные аспекты: российский опыт / А. В. Усягин. – Нижний Новгород, 2005. – С. 56.
8. **Греков, Б. Д.** Киевская Русь / Б. Д. Греков. – М., 1949.
9. **Фроянов, И. Я.** Киевская Русь. Очерки социально-политической истории / И. Я. Фроянов. – Л., 1980.
10. История государственного управления в России : учебник / отв. ред. В. Г. Игнатов. – Ростов-на-Дону, 1999.
11. **Ключевский, В. О.** Сочинения. В 9 т. Т. 1. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – М., 1987. – Ч. 1. – С. 156.
12. **Пресняков, А. Е.** Княжеское право в древней Руси / А. Е. Пресняков. – СПб., 1909. – С. 25, 27–154.
13. **Иловайский, Д. И.** История России. Становление Руси / Д. И. Иловайский. – М., 1996. – С. 101–102.
14. **Цейтлин, Р. С.** История государственного управления и муниципального самоуправления в России / Р. С. Цейтлин, С. А. Сергеев. – М., 2003.
15. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма : в 3 т. / гл. ред. З. В. Удальцова. – М., 1985. – Т. 1. – С. 324–327.
16. **Емельянов, Н. А.** Местное самоуправление в России: генезис и тенденции развития / Н. А. Емельянов. – Тула, 1997. – С. 84.
17. **Пирумова, Н. М.** Земское либеральное движение / Н. М. Пирумова. – М., 1987. – С. 27.
18. **Соловьев, С. М.** История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – М., 1980. – Т. 2. – С. 62.

19. **Наумов, С. Ю.** Президентский проект политической реформы региональной власти и исторический российский тип управления / С. Ю. Наумов, Н. Н. Слонов // Государственная служба. – 2005. – № 1.
20. **Салтыков-Щедрин, М. Е.** За рубежом // Собрание сочинений. – М., 1972. – Т. 14.